

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ¹

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 801.8: 030
ББК 87.3(2)522:81

Елена Аркадьевна Тахо-Годи

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; профессор кафедры истории русской литературы; ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Лирика К.М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьёва. Часть 2

Elena Arkadevna Takho-Godi

M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; Professor of Department of History of Russian Literature, Leading Researcher, Russia, Moscow, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

V. Solovyov's aesthetic assessments of K.F. Fofanov's lyrics. Part 2

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.006-023

В неприятии «диалектической абракадабры», «чепухи» вместо поэзии, «брёда» вместо «вдохновения» Вл. Соловьёв, как это не парадоксально, вполне сходится и с Н.Н. Страховым, и с Н.М. Соколовым, но не совпадает с критиком и сотрудником редакции дорогого ему «Вестника Европы» К.К. Арсеньевым, видевшим в Н.М. Минском и К.М. Фофанове лучшее достижение новейшей поэзии, причем последний трактовался им как яркое явление «искусства для

¹ Публикуются статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Несобранный и неизданный Соловьёв: проблемы публикации и интерпретации наследия Вл.С. Соловьёва», 29–30 сентября 2021 г., Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800). The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800). Первая часть опубликована в журнале «Соловьёвские исследования», 2023. Вып. 2(77). С. 55–73.

искусства», в лучших своих произведениях не уступающий Полонскому и Фету². Тем более расходился Соловьев с мнением самих новых поэтов, наиболее аргументированно сформулированным в эти же 1890-е годы Д.С. Мережковским в лекции «Современное литературное поколение», датированной 1892 годом в его знаменитом сборнике «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»³. Говоря о современном литературном поколении, Д.С. Мережковский также апеллирует именно к творчеству Фофанова и Н.М. Минского, подчеркивает «болезненность», психическую неустойчивость в новейшей поэзии, но для него это имеет не отрицательный, а, напротив, положительный смысл: «Фофанов прежде всего не эпикуреец, подобно Фету, с которым только по внешности он имеет некоторое сходство. Красота для него, может быть, губительное и страшное наслаждение, но во всяком случае не мирный отдых, не роскошь. Фофанов, подобно Гаршину, мученической любовью полюбил красоту и поэзию, для него это вопрос жизни и смерти» [3, с. 86]. Другими словами о том же немного ниже продолжает: «Это не идеально совершенная, тонкая филигранная работа лирика-эпикурейца, дилетанта-помещика, Фета. За каждый стих, за каждое, может быть, неумелое слово поэт заплатит всей своею кровью, нищетой и слезами, жизнью и смертью. Разве вы не чувствуете, что это человек искренний? Вот, что пленительно!» [3, с. 88]. При этом Фофанов для Д.С. Мережковского не только идеал наивного и искреннего чувства («говорит как наивный ребенок»), но и явление современного пророка, который вещает «“как власть имеющий”, как человек не от мира сего», видящий в предметах вокруг «живые символы», в «которых скрыта божественная тайна мира»; «в современной, бездушной толпе это больше чем мистик, это – *ясновидящий*, один из тех редких и странных людей, которых древние называли *vates* [пророк]»⁴.

Заговорив о Фофанове, Д.С. Мережковский с негодованием восклицает: «Если вы ищете здоровья в искусстве, вам не надо заглядывать в произведения Фофанова. Я не знаю в русской литературе поэта более нервного, болезненно-го, дисгармонического. <...> Это – поэт городской, порождение тех самых безнадежных петербургских туманов, из которых вышли полубезумные и таинственные герои Достоевского» [3, с. 87]. Ф.М. Достоевский для раннего Д.С. Мережковского⁵, в отличие от И.С. Тургенева и Льва Толстого, «не бесстрастный художник, не пророк, он – живой человек, он – наш всеми своими думами, всеми страданиями», он «ближе, чем родные и друзья», «наш товарищ в болезни, наш

² См.: Арсеньев К.К. Еще о современных русских поэтах. Н. Минский и К. Фофанов // Вестник Европы. 1887. № 5. С. 329 [1].

³ Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893. 192 с. [2].

⁴ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 89.

⁵ Впервые опубликовано: Русское обозрение. 1890. Т. II. Кн. III. С. 155–186 (под загл. «О “Преступлении и наказании” Достоевского»). В книге «О причине упадка...» датировано 1889 г.

сообщник не только в добре, но и во зле», а, по мнению Д.С. Мережковского, «ничто так не сближает людей, как общие недостатки»⁶. И для другого поклонника Достоевского и антагониста Вл. Соловьёва, для одного из ведущих авторов суворинского «Нового Времени», для В.В. Розанова знакомство с Фофановым – это «клочок совершенно *новой* ... действительности, новой психологии, нового человеческого состояния», когда «болезненными минутами» оказываются для этого «вечно вдохновенного, невинного», «совершенно безгрешного», устремленного к небесам «ангела» минуты трезвости⁷.

В работе, посвященной восприятию творчества Фофанова читателями конца XIX века, С.В. Сапожков задается вопросом: «Природа лирического таланта Фофанова побуждала современников видеть в нем “последнего романтика”, последнего носителя культурной традиции пророческого служения искусству. <...> Идеал “вдохновенного певца” подчас граничил с карикатурой, и это “сочетание идиота и гения”, эту двусмысленность образа современного Пророка Репин сохранил в портрете Фофанова. Какая же эстетическая платформа стояла за подобной живописной канонизацией поэта-“безумца”, наивного Дон-Кихота в жизни и поэзии?» [4, с. 196–219] – и сам совершенно точно отвечает, что «впечатление современников от поэтической личности Фофанова со всей ее болезненной двойственностью, отражающей то кризисное, переломное время», как в зеркале отобразило «ведущие закономерности предсимволистской эпохи», период 1887 г. (после смерти С. Надсона) и до 1894 г. (дебют символистов), иногда называемый «фофановским» периодом русской поэзии»⁸. В монографии, посвященной Н.М. Минскому, С.В. Сапожков показывает, «своеобразие позиции Минского», которое заключалось в отказе «от двух привычных (“старинных”) моделей эстетического отношения искусства к действительности – модели “подражания”, буквальной реконструкции жизни, и модели ее преобразования, “теургии”, выдвигая в качестве альтернативы им модель “подмены”, “замены” “мира старого” “миром новым”, который создается в виртуальном мире творца. Этот идеал получает свое закрепление и в том типе художника, который Минский противопоставит классическому образу поэта-пророка. Это тип художника “наивного”, “искреннего”, изображающего природу так, как она ему *кажется*, то есть тип художника-дилетанта, для которого поэзия и вдохновение – своеобразный наркотик от “тлена” реальной жизни, способ “забыться”, отрешиться от нее в мираже, созданном собственной фантазией. Такой идеал, например, получил законченное воплощение в творческом

⁶ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 87.

⁷ См.: Розанов В.В. Из житейских встреч. К.М. Фофанов // Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 т. Сер. Литература и искусство. В 7 т. Т. 4. О писательстве и писателях: Статьи 1908–1911 гг. СПб.: Росток, 2016. С. 775 [3] (Впервые: Новое слово. 1911. № 11. С. 19–23).

⁸ См.: Сапожков С.В. К.М. Фофанов и репинский кружок писателей. Статья первая // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 196–219 [4].

облике К.М. Фофанова, поэта-“лунатика”, запечатленного на гениальном полотне И.Е. Репина и ставшего культовой фигурой репинского кружка писателей, в который был вхож и Минский»⁹.

Правда, в начале 1890-х годов Д.С. Мережковский (возможно, по культурной «инерции») готов был представлять и Фофанова как продолжателя «дела Пушкина». Недаром он видит «возвышенный идеализм» не только у «пушкинианцев» А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, Л.А. Мея, Ф.И. Тютчева, но и в фофановской лирике отмечает «поворот к идеализму». Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на то, как он обосновывает выбор из всей современной поэзии именно Фофанова и Н.М. Минского: «Я выбрал только двух представителей современной русской поэзии как наиболее характерные явления того литературного поворота к идеализму, которым я занимаюсь. Если бы задача моя заключалась в более подробном изучении поэзии, я должен бы начать с произведений истинных преемников Пушкина и Лермонтова, я должен бы показать, как возвышенный идеализм XIX века отразился на олимпийски-лучезарной, могучей и блаженной поэзии *А.И. Майкова, Я.П. Полонского, Мея* и в особенности *Тютчева*. Значение Фета несколько преувеличено. Тонкие ценители поставят, конечно, выше Фета менее признанного, но более глубокого поэта-философа, неподражаемо-прекрасного Тютчева. Это не певец толпы, это – *певец певцов*. Такой же искренний и непосредственный лирик *Я.П. Полонский*. Недаром Тургенев любил его и понимал. Это один из немногих современных людей, сохранивших с природою древнюю, священную и таинственную связь. В его лучших песнях, по-моему, больше сумеречного, *безглагольно-прекрасного*, похожего на откровения природы, чем в искусственно-филигранной и довольно слащавой лирике Фета»¹⁰. Д.С. Мережковский вспоминает и о *А.Н. Плещееве* как о «музе русской печали», о *С.Я. Надсоне* как выразителе «болезненного бессилия, разочарования в утилитарных идеалах, страха перед тайною смерти, тоски безверия и жажды веры», о «возрождении свободного религиозного чувства» у *А.Н. Апухтина*, о *А.А. Голенищеве-Кутузове*, чье «великое успокоение в природе, примирение с жизнью и смертью» есть «глубочайшее русское смирение», которое только «напоминает божественную Нирвану Бодизатвы»¹¹. Д.С. Мережковский был уверен, что «если бы все эти разрозненные явления, еще до сих пор не связанные и не разработанные ни одним исследователем, соединить в одну живую картину, в одно громкое и непреложное свидетельство, может быть, и самый скептический читатель почувствовал бы, как много скрытых сил дремлет в современной русской поэзии»¹².

⁹ См.: Сапожков С.В. По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2021. С. 468 [5].

¹⁰ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 93.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же. С. 94.

Однако показательно, что о Фете он отзывается со скептической иронией, а А.К. Толстой вообще не включен им в систему координат русской поэзии, что для Соловьева, естественно, было неприемлемо.

Для Соловьева «сочетание идиота и гения» не соответствовало представлению о пророческом даре, да и сам круг почитателей фофановской поэзии был ему чужд. Будь то авторы благоволившего к Фофанову суворинского «Нового Времени» (В.П. Буренин), хвалившего в газетных откликах лирические миниатюры Фофанова, или В.В. Розанов, или старшие символисты А.Л. Волынский, посвятивший анализу фофановской поэзии статью¹³, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, В.Я. Брюсов, соглашавшийся, что Фофанов «настоящий, прирожденный поэт, поэт “Божией милостью”»¹⁴. Или Лев Толстой. У последнего тоже было свое, хотя и нелюбимое представление об истории русской лирики. Он был убежден, что «после Пушкина, Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит сначала к весьма сомнительным поэтам Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишенному поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину»¹⁵. Тем более лестным мог казаться толстовский отзыв о лирике Фофанова, в которой он увидел «стихи естественные, вытекающие из особенного поэтического дарования»¹⁶. Со всеми этими ценителями Фофанова Соловьев расходился и этически, и эстетически. «Я думал прежде (до Пушкинского №), что имею дело с пытливыми и открытыми для истины умами, и, несомненно в этом ошибался. Теперь я говорю о них, как о душах, преданных... “пифизму”. Но, может быть, и это слишком “серьезно”... да и можно ли говорить о наших декадентах (это, кажется, будет самое подходящее по своей неопределенности общее название), как об одном, солидарном в себе целом? Ведь Мережковский очень не похож на Минского, оба они не похожи на Волынского, и еще меньше, я думаю, сходства между Д. Философовым и В. Розановым»¹⁷, – писал он в 1899 г. в статье «Против исполнительного листа».

¹³ См.: Волынский А.Л. Библиейские песни русского поэта. Стихотворения Константина Фофанова (1880–1887) // Восход. 1887. № 3. С. 12–13 [6].

¹⁴ См.: Брюсов В.Я. К.Ф. Фофанов. Некролог // Русская мысль. 1911. № 7. С. 45 [7].

¹⁵ См.: Толстой Л.Н. Предисловие к роману В. Фон Поленца «Крестьянин» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений = Oeuvres complètes: [юбилейн. изд. (1828–1928)] / под общ. ред. В.Г. Черткова; при участии ред. ком. в составе: А.Е. Грузинского, [и др.]; изд. осуществляется под наблюдением Гос. ред. комис. в составе: В.Д. Бонч-Бруевича, И.К. Луппола и М.А. Савельева. [Доп. и испр. изд.]. М.: Худож. лит., 1928–1958. (Сер. 1. Произведения). Т. 34: Произведения 1900–1903. Т. 34 / подгот. текста и коммент. С.Д. Балухатого и др.; предисл. К. Ломунова. 1952. С. 275 [8]. «Крестьянин» в переводе В. Величкиной и с предисловием Толстого был издан «Посредником» в начале 1902 г.

¹⁶ См.: Толстой Л.Н. Письмо к Фофанову от 11 сентября 1902 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 73. М.: Худож. лит., 1954. С. 290 [9].

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Против исполнительного листа // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 293 [10].

Соловьев сознавал, что наступила эпоха, когда «старые формы жизненных начал исчерпаны и истощены, и требуется переход к новым идейным зачатиям», что назрело «недовольство традиционными рамками жизни и стремление выйти из них навстречу новому, грядущему»¹⁸. Однако сознавал он и то, что в такие эпохи люди, прежде чем «попадут на истинное», «с жаром хватаются за все, что им представляется», как «Мария Магдалина прежде, чем найти Христа, прошла через власть семи бесов»¹⁹. Когда он говорил в «Пасхальных письмах» о семи «ложных идеях, которые частью одновременно, частью попеременно овладевали современной женщиной»: «бес “свободной любви”, бес политической агитации, бес обожествленного естествознания, бес внешнего “опрощения”, бес обязательного безбрачия, бес “экономического материализма”, бес эстетического декадентства», – он понимал, что все эти «бесы» обманывают и мучат не только женские души, и напоминал, что «истинное удовлетворение даст только единая истина, которая не может быть сегодняшней или завтрашней, она вечная»²⁰, и это истина дана «истинным сверхчеловеком»²¹ – Христом, а не «новым сверхчеловеком», вроде ницшевского Заратустры, перед именем которого «трепещут и преклоняют колена только психопатические декаденты и декадентки в Германии и России»²².

Очевидно, для Соловьева «бес эстетического декадентства» – это не только подражание французским декадентам, вроде Стефана Малларме, или «шершаво-декадентные / Вирши в вянущих ушах»²³ новоявленных русских символистов во главе с В.Я. Брюсовым. Если бы «декадентство» было пороком исключительно литературным, то от него можно было бы отмахнуться, словно от чтения декадентской прозы как «задачи, превышающей ... силы»²⁴, или отделаться пародией на «куртины пустоты» символических стихотворений, украшенные «розами созвучий»²⁵. Но оно – порок современной жизни в целом – и литературной, и социальной, и религиозной, поэтому не может быть просто проигнорировано. С такой точки зрения представляется определенным упрощением и данью символисткой эпохе попытка друга, издателя и биографа Соловьева Э.Л. Радлова нивелировать эту проблему, когда в биографическом очерке о Соловьеве он писал: «Наконец,

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Пасхальные письма // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 42 [11].

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Соловьев В.С. Воскресные письма // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 30 [12].

²² Там же.

²³ См.: Соловьев В.С. Русские символисты // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». [1914]. С. 169 [13].

²⁴ Там же. С. 161.

²⁵ Там же.

что касается эстетической антиномии, декадентства и служения чистому искусству, то и здесь, мне кажется, может быть найден примирительный термин. Ведь сущность декадентства, взятого в лучших его представителях, состоит в протесте против грубого натурализма, господствовавшего в 70-х и 80-х годах прошлого столетия. Натурализм есть ни что иное, как позитивизм в сфере искусства, т. е. преклонение перед фактами, принижение разума и подавление души внешним миром. Это направление должно привести к уничтожению всякого творчества. Декадентство, как всякий протест, может быть, ударило в противоположную крайность; усмотрев правильно в мистическом восприятии источник всякого творчества, оно стало копаться в тайниках бессознательной душевной жизни и провозглашать откровением все то смутное и неясное, что находило в глубине чувства. Самые противоположные мимолетные настроения теперь стали соединять в одно целое, и чем своеобразнее, неожиданнее и индивидуальнее обнаружение чувства, тем, казалось, и лучше. Без сомнения, всякие обнаружения великой личности оригинальны и интересны сами по себе; но если этому направлению следует средний человек, тогда он неминуемо впадает в неестественность и манерность и искажает искусство. Соловьева спасала в этом случае его мистическая натура, и никто не умел так характерно выставить слабые стороны декадентства, как именно он, хотя он и чувствовала и сознавал значение этого направления в искусстве» [14, с. XXIII].

Декадент для Соловьева отнюдь не только художник, борющийся с натурализмом и позитивизмом, он и не просто психопатический тип, но и нравственно и духовно нездоровый человек. «Все достоинство человека в том, что он сознательно борется с дурною действительностью ради лучшей цели. Господство болезни есть факт, но цель есть здоровье ...»²⁶, – писал Соловьев в статье «Нравственность и политика» (1883 г.). Вот почему для него «быть самим собой» – это быть «духовно здоровым»²⁷. Собственную деятельность Соловьев рассматривал как «трудное дело исследования наших общественных грехов и болезней»²⁸. Это нужно учитывать, когда он говорит «о наших декадентах» и предпочитает этот «неопределенный» термин (*décadence* – буквально «упадок»), едва утвердившийся в европейской культуре ко второй половине 1880-х гг. Соловьев именует «декадентом» Гастона Бержера, но не столько за его литературную деятельность романиста, сколько за общественную, как профессионального юриста, к возмущению Соловьева утверждавшего, что «совершенно напрасно смешивают юстицию с справедливостью»²⁹. Для Соловьева подобное отри-

²⁶ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый. 1883–1888 // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: 1883–1892. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 7 [15].

²⁷ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891 // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 286 [16].

²⁸ Там же. С. 273.

²⁹ Там же. С. 241.

цание справедливости одновременно связано и с французской традицией (с идеями Жозефа де-Местра), и, что гораздо неожиданней, с отечественной – «с крайними представителями нашего национализма, поклонниками Ивана Грозного»³⁰. С точки зрения Соловьева, совершенно невозможно «в царствовании Ивана IV видеть выражение здоровой общественной жизни; нельзя же в этом благочестивом царе, беспрепятственно убивающем святого архиерея, усматривать нормальное проявление церковно-государственных отношений»³¹. Для Соловьева несомненным подтверждением духовной болезни русского общества является то, что есть люди, которые готовы «объявить Ивана IV представителем истинного благочестия в русском вкусе»³² и «вместо имени Христа, которым столько злоупотребляли, откровенно клянутся именем Ивана Грозного», дойдя «до принципиального отрицания добра, правды и всяких общечеловеческих идеалов»³³.

С точки зрения мыслителя, подобный «апофеоз Ивана IV есть живописная иллюстрация к последнему слову нашего национализма»³⁴. Борьбе с этим искажением основ русской истории, морали, религиозного мировидения он посвящает десятки страниц, прежде всего в статьях, объединенных затем в работу «Национальный вопрос в России». Для Соловьева очевидно, что «в Иване IV государственная власть сошла с своих нравственных основ»³⁵. Он не скрывает свое «отвращение к нынешнему культу Ивана Грозного» и в борьбе с ним видит развитие исторических воззрений своего отца, С.М. Соловьева, «который делит грех пополам между царем и народом»³⁶. И действительно, в работе «Византизм и Россия» Соловьев как раз пишет о том, что ситуация, сложившаяся в конце XVI века, была не только «личным грехом Ивана IV» – «двоедушие поддерживалось и в известном смысле извинялось политическим двоедушием русского народа»³⁷. Но и новейший возмутительный «культ, воздаваемый олицетворенной кровожадности», нельзя «считать случайным»: он логически связан с требованием поклонения народу как «стихийной силе», «слепой и неумолимой», олицетворение и выразителя которой и видят «в свирепом царе московском»³⁸. Новоявленные «патриоты» не стесняются искажения исторической правды или нравственных постулатов, а в итоге «так же легко совершается

³⁰ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 241.

³¹ Там же. С. 168.

³² Там же. С. 230.

³³ Там же. С. 244.

³⁴ Там же. С. 260.

³⁵ См.: Соловьев В.С. О духовной власти в России // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: 1877–1884 / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1912. С. 231 [17].

³⁶ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 264.

³⁷ См.: Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». С. 285–325 [18].

³⁸ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 224.

превращение недостатков в достоинства и в области гражданской жизни»³⁹. Для «патриотов» Иван Грозный – «настоящий, излюбленный герой», он им представляется «“рельефным выразителем свойств, во-первых, русского человека, во-вторых, православного и, в-третьих, русского царя”»⁴⁰. Они не понимают, что «царствование Ивана Грозного было ярким и своеобразным повторением того противоречия, которое погубило Византию – противоречия между словесным исповеданием истины и ее отрицанием на деле»⁴¹. Соловьев, убежденный, что «прямая обязанность для мыслителя, вдохновленного ... идеалами, определить условие и пути, необходимые для исправления действительности, для возможно полного приближения ее к заявленным идеальным требованиям»⁴², решительно протестовал против подобных суждений. Он был уверен, что «национализм или национальный эгоизм, т. е. стремление отдельного народа к утверждению себя на счета других народностей, к господству над ними, – есть полное извращение национальной идеи; в нем народность из здоровой, положительной силы превращается в болезненное, отрицательное *усилие*, опасное для высших человеческих интересов и ведущее самый народ к упадку и гибели»⁴³. По Соловьеву, эту «обнаженную сущность национализма» славянофилы «прикрывали мистическими и либерально-демократическими украшениями, а Катков пытался совместить с уважением к европейскому просвещению», забывая, что нельзя одновременно служить Богу и Мамоне⁴⁴. Теперь, к 1880-м годам, эта сущность национализма стала очевидна как никогда: «возведенное в принцип отрицание всех объективных понятий о добре и истине – с апофеозом Ивана Грозного в виде живописной иллюстрации к этому принципу – вот последнее слово нашего национализма»⁴⁵.

В статье «Что значит слово “живописность”?» (1897 г.) Соловьев дал разъяснение понятию «живописность», причем не сугубо эстетически отвлеченно, но в связи с понятиями добра и зла, подмену которых он видел в культе Ивана Грозного. По Соловьеву, «живописность есть частное эстетическое понятие, подчиненное общему понятию красоты», исходя из чего «хоть не все прекрасное живописно, но все живописное тем самым и прекрасно»⁴⁶. Утверждения князя С.М. Волконского, известного театрального деятеля и художественного критика, о «живописности действительного ада, действительной чу-

³⁹ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 227.

⁴⁰ Там же. С. 223.

⁴¹ См.: Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Собрание сочинений. С. 294.

⁴² См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 225.

⁴³ Там же. С. 272–273.

⁴⁴ Там же. С. 224.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Соловьев В.С. Что значит слово «живописность»? // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 75 [19].

мы и действительного Торквемады»⁴⁷ представлялись философу в лучшем случае парадоксами. Для Соловьева как врага не только национального, но и «эстетического сепаратизма»⁴⁸ тут отнюдь не чисто «терминологическое разногласие», за этими суждениями для него скрывается «более серьезное разномыслие насчет отношения красоты к действительности, или того смысла, в каком можно и должно признавать реальную объективность прекрасного»⁴⁹.

Закономерно, что поводом для терминологической полемики с С.М. Волконским как раз стал вопрос: «был ли живописен действительный исторический образ Иоанна Грозного и наиболее характерные явления его царствования – московские казни и новгородские избиения»?⁵⁰ С.М. Волконский давал на него утвердительный ответ, хотя и признавал отсутствие в этих событиях красоты. Такая позиция Соловьева не устраивала: «Признавая живописность одним из видов красоты, я не допускаю, чтобы безобразное или лишенное красоты могло быть живописным, хотя оно может служить материалом и поводом для живописных и прекрасных художественных изображений, столь же мало похожих на свой исторический материал, как прекрасные цветы и плоды не похожи на ту навозную землю, из которой они произрастают»⁵¹. Для Соловьева «Иоанн Грозный и деяния его живописны только в своем художественном изображении, а вовсе не были такими в своей исторической действительности»⁵². Он признает, что «Иоанн Грозный и дела его живописны в воображении и в изображениях у Антокольского, Самойлова, А. Толстого, как ад живописен у Данта, как сжигаемые в смоле мученики живописны у Семирадского, чума – у Боккачио, инквизиция – у Виктора Гюго и, наконец, ... как развивающаяся проказа живописна у Флобера»⁵³, но он категорически не готов принять тезис С.М. Волконского, что «все это было живописно и только в силу живописности своей проникло в искусство и заслужило увековечения»⁵⁴. То, что возмущало Соловьева в суждениях С.М. Волконского как выразителя эстетических установок новейших литературно-художественных кругов, спустя полтора десятилетия предельно четко вычленил соловьевский почитатель, еще только начинающий свой путь в философии студент Московского университета А.Ф. Лосев, конспектируя 1 ноября 1912 года

⁴⁷ См.: Соловьев В.С. Что значит слово «живописность»? // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. 2-е изд. С. 76.

⁴⁸ См.: Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7, 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 71 [20].

⁴⁹ См.: Соловьев В.С. Что значит слово «живописность»? С. 76.

⁵⁰ Там же. С. 73–74.

⁵¹ Там же. С. 73–74.

⁵² Там же. С. 73–74.

⁵³ Там же. С. 73–74.

⁵⁴ Там же. С. 73–74.

статью С.М. Волконского «Искусство и нравственность» (1893 г.): «практическая совместимость эстетичности и безнравственности»⁵⁵.

В книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Д.С. Мережковский также затронул эту острую для 1890-х годов проблему о соотношении нравственности и искусства. С его точки зрения, «высочайшее *нравственное* значение искусства» заключается «в бескорыстной неподкупной *правдивости* художника, в его бесстрашной искренности»⁵⁶. По Д.С. Мережковскому, красота «не может быть неправдивой и потому не может быть безнравственной», поэтому «только уродство, только пошлость в искусстве – безнравственны», и следовательно, «никакая порнография, никакие соблазнительные картины пороков не развращают так сердца человеческого, как ложь о добре, как банальные гимны добру ...»⁵⁷. Казалось бы, в сравнении с Мережковским, С.М. Волконский, напротив, ратовал именно за нравственность, утверждая в финале своей статьи, что «видеть в явлениях одну лишь эстетическую ценность – значит превращать вселенную в пустоцвет», так как «сущность, зерно всего существующего заключается в его нравственной ценности», поэтому мир будет спасен не красотой, как думал герой Достоевского, – «он будет спасен добром»⁵⁸. Но Соловьева, взявшего в 1889 году слова из романа Достоевского «Красота спасет мир» эпиграфом к статье «Красота в природе», никак не могло устроить проводимое С.М. Волконским расподобление «добра» и «красоты» – то, что «красота не есть добро, и если они могут совпадать, то это не доказывает их тождества», что опасно и вредно «исключительное развитие эстетического отношения к действительности», что именно это ведет к «уклонению от нравственного закона»⁵⁹. Ответом на эти положения С.М. Волконского во многом стала соловьевская статья «Первый шаг к положительной эстетике», напечатанная в том же «Вестнике Европы» в 1894 г. (№ 1). Так что статья «Что значит слово “живописность”?» была лишь продолжением давней полемики, в том числе оспориванием высказанной еще в 1893 году С.М. Волконским идеи, что и «наслаждение чужими страданиями» Ивана Грозного было, как и у Нерона, результатом именно излишне сильного «развития эстетического отношения к действительности»: «зверства таких людей, как Нерон и Иван Грозный, гораздо глубже коренятся в их эстетических инстинктах, чем в физических; они истязали не потому, что удовлетворяли свою кровожадность, но потому что упивались красотой преступления»⁶⁰.

⁵⁵ См.: Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; вступ. ст. Е.А. Тахо-Годи. Т. 2. М.: Время, 2002. С. 360 [21].

⁵⁶ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 29.

⁵⁷ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 29.

⁵⁸ См.: Волконский С.М. Искусство и нравственность // Вестник Европы. 1893. № 4. С. 648 [22].

⁵⁹ Там же. С. 647.

⁶⁰ Там же. С. 648.

Нас могут спросить: не слишком ли далеко отошли мы от темы статьи и стоит ли рассматривать воззрения Соловьёва на национальный вопрос в России и правление Ивана Грозного, на взаимосвязанность добра и красоты, если наша тема – это отношение Соловьёва к лирической поэзии Фофанова? Но все сказанное как раз имеет самое прямое отношение к поднятой теме, ибо без этого контекста невозможно правильно понять интенции, побудившие Соловьёва написать в марте 1897 года пародию «По поводу стихов Майкова “У гробницы Грозного” и стихов Фофанова на могиле Майкова». Как совершенно верно сформулировала Н. Г. Юрина, нельзя игнорировать тот факт, что кроме произведений с философской тематикой в поэтическом наследии Соловьёва есть «так называемая “шуточная” лирика, во многом отразившая специфику мировоззрения автора, его эстетико-художественные взгляды»⁶¹.

Для Соловьёва стихотворение А.Н. Майкова «У гроба Грозного» (1887 г.; Соловьёв упорно называет его «У гробницы Грозного»), опубликованное впервые именно в катковском «Русском Вестнике» в 1888 г. с тремя эпиграфами: два – из писем Иоанна князю Курбскому о защите царем веры и народа, а третий – из книги Я.Я. Штелина «Подлинные анекдоты о Петре Великом, слышанные из уст знаменитых особ в Москве и Санктпетербурге, и извлеченные из забвения»: «Сей Государь (Иоанн IV) мой предшественник и образец, но я с ним еще не мог сравняться»⁶², – было, несомненно, одной из ярких живописных иллюстраций «последнего слова нашего национализма» с апофеозом Ивана Грозного. А.Н. Майков для философа – один из тех единомышленников новейших патриотов, которые, «не ограничиваясь каким-нибудь отдельным случаем, прославляют, и в прозе, и в стихах, Ивана Грозного как цельную личность во всей совокупности его деяний»⁶³.

В стихотворении А.Н. Майкова Грозный являлся мысленному взору посетителя Архангельского собора, задумавшемуся о судьбе этого царя у его гробницы, «в загробной схиме»⁶⁴ и произносил монолог (речь к народу), призванный прояснить собственную роль в истории. Перед Богом Иоанн – просто человек, перед народом – Царь. Главная заслуга Иоанна как Царя – в создании московского царства («царство ваше – труд свершенный Иоанном»⁶⁵), которое не только стоит донныне «четвертый век»⁶⁶, но которое и после Иоанна выстраивалось русскими царями по его плану: «труд был довершен / Уж подвигом

⁶¹ См.: Юрина Н.Г. Тематический диапазон философской лирики В. С. Соловьёва // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. 11 (188). С. 171 [23]; см. также: Юрина Н. Г. Жанровый состав шуточной лирики В. С. Соловьёва // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А. С. Пушкина. 2014. № 1, Т. 1. Филология. С. 30–39 [24].

⁶² См.: Майков А.Н. У гроба Грозного // Русский Вестник. 1888. № 5. С. 116 [25].

⁶³ См.: Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 224.

⁶⁴ См.: Майков А.Н. У гроба Грозного // Русский Вестник. С. 117.

⁶⁵ Там же. С. 119.

⁶⁶ Там же. С. 117.

Петра, умом Екатерины, / И вашим веком...»⁶⁷. Но этим, по А.Н. Майкову, заслуги Иоанна не исчерпываются. Во-первых, оказывается, именно Иоанн показал, что значит истинное равноправие: «перед лицом Царя, перед правдою державной / Потомок Рюрика, боярин, смерд – все равны»⁶⁸. Во-вторых, он оказался спасителем истинной христианской веры, причем не только на Руси: «В нем церкви истинной хоругвь, и меч, и сила!»⁶⁹. В-третьих, он вселил в народ правильное понимание сущности монаршей власти, веру в то, что царская власть от Бога, что Царь вершит все, следуя воле Божией («зрит лишь на Него, народу суд творя»), благодаря чему «Навеки духом Русь с царем своим слилась»⁷⁰. В-четвертых, он первый ввел, вопреки препонам, чинимым Западом, просвещение в Московии, зная, что «Нам нужно насажденье / Наук, ремесл, искусств»⁷¹. Вот почему Иоанн (а вместе с ним и автор этого надгробного панегирика) уверен, что его «день еще придет!», что любовь к нему народа, искренне оплакивавшего смерть своего владыки, окажется в итоге сильнее, «чем этот шип подземный / Боярской клеветы и злобы иноземной...»⁷²

Тема «последнего суда» над Грозным очень важна и для Соловьёва. В работе «Византизм и Россия» он писал: «Об Иване Грозном в русской литературе много судили с разных сторон зрения и высказывали о нем различные частные мнения, верные и неверные. Насколько мне известно, его не подвергли только окончательному суду той высшей инстанции, которая указана св. Писанием <...>» [18, с. 293]. Но если А.Н. Майков надеется, что Небесный Суд оправдает Грозного:

...Последнего суда –
Ты чувствуешь, что над ним судьба не изрекала;
Что с гроба этого тяжелая опала
Еще не снята <...> До сих пор
Сведен итог его винам и преступленьям;
Был спрос свидетелей; поставлен приговор, –
Но нечто высшее все медлит утвержденьем... [25, с. 116–117]

то Соловьёв, напротив, уверен, что если по земному суду Грозный – воплощение человеческого зла, то Последним Судом он тем более не может быть оправдан, так как совершил еще худшее преступление: предал саму «монархическую идею»⁷³.

⁶⁷ См.: Майков А.Н. У гроба Грозного // Русский Вестник. С. 119.

⁶⁸ Там же. С. 118.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 119.

⁷¹ Там же. С. 118.

⁷² Там же. С. 119.

⁷³ См.: Соловьёв В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. 2-е изд. Т. 7: 1892–1897. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 293 [26].

Эти слова из соловьевской работы «Византизм и Россия» заставляют акцентировать внимание на том, что для Соловьева в майковском творчестве как раз наименее привлекательны те произведения, которые поэт считал главным делом своей жизни и которые по своей тематике – борьба язычества и христианства, казалось бы, должны были быть наиболее интересны для Соловьева как мыслителя. Однако майковская трагедия «Два мира» Соловьеву чужда не меньше, чем стихотворение «У гроба Грозного», так как и в избранном Грозном пути, и в том, как интерпретируется в трагедии борьба двух миров – языческого и христианского, Соловьев видит игнорирование христианского духа, победу «византинизма». Даже в энциклопедической статье о А.Н. Майкове Соловьев не может удержаться от иронии, когда пишет, что «императорский Рим вдвойне понятен и дорог поэту, как примыкающий к обоим мирам его поэзии – к миру прекрасной классической древности, с одной стороны, и к миру византийской государственности – с другой: и как изящный эпикуреец, и как русский чиновник-патриот Майков находит здесь родные себе элементы»⁷⁴. Соловьев убежден, что Майков не осознал в полной мере, в чем заключалась «идея нового Рима – Византии»: «Он любит византийско-русский строй жизни в его исторической действительности и принимает на веру его идеальное достоинство, не замечая в нем никаких внутренних противоречий» [27, с. 514]. С точки зрения Соловьева, именно вера в идеальный византийско-русский строй жизни и «доводит Майков до апофеоза Ивана Грозного»⁷⁵. И хотя философ исключает возможность «заподозрить гуманного поэта в сочувствии злодеянием Ивана IV», но он не может простить и оправдать такое прославление⁷⁶: «поэт на этот раз совершенно позабыл, какого вероисповедания был его герой», «благочестивый учредитель опричнины», ехидно замечает Соловьев, «иначе он согласился бы, что представитель христианского царства, не понимающий Христа, чуждый и враждебный Его духу, есть явление во всяком случае ненормальное, вовсе не заслуживающее апофеоза»⁷⁷. Для Соловьева стихотворение «У гроба Грозного» служит лучшим подтверждением тому, что «в “Двух мирах” мир христианский, несмотря на все старания даровитого и искусного автора, изображен несравненно слабее мира языческого»⁷⁸. В подтверждение данного тезиса Соловьев не без сарказма ссылается на аналогичное мнение Н.Н. Страхова. Однако на самом деле Н.Н. Страхов, друживший с Майковым и в связи с соисканием им Пушкинской премии 1882 года написавший для Академии Наук разбор напечатанной в катковском «Русском Вестнике» трагедии «Два мира», публично восхищался трагедией, называл ее лучшим произведением поэта, ни

⁷⁴ См.: Соловьев В.С. Майков // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. 2-е изд. Т. 10: 897–1900. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 514 [27].

⁷⁵ Там же. С. 514.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 514.

о какой слабости изображения христианского мира не говорил, а лишь заметил, что, в отличие от мира христианского, «картина римского мира имеет ясный центр» в лице одного из центральных персонажей – Деция⁷⁹.

Список литературы

1. Арсеньев К.К. Еще о современных русских поэтах. Н. Минский и К. Фофанов // Вестник Европы. 1887. № 5. С. 311–329.
2. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.
3. Розанов В.В. Из житейских встреч. К.М. Фофанов // Розанов В.В. Полн. собр. соч.: в 35 т. Сер. «Литература и искусство» в 7 т. Т. 4. О писательстве и писателях: Статьи 1908–1911 гг. СПб.: Росток, 2016. С. 775–781.
4. Сапожков С.В. К.М. Фофанов и репинский кружок писателей. Статья первая // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 196–219.
5. Сапожков С.В. По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2021. 608 с.
6. Волинский А.Л. Библиейские песни русского поэта. Стихотворения Константина Фофанова (1880–1887) // Восход. 1887. № 3. С. 12–13.
7. Брюсов В.Я. К.Ф. Фофанов. Некролог // Русская мысль. 1911. № 7. С. 45–46.
8. Толстой Л.Н. Предисловие к роману В. Фон Поленца «Крестьянин» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. = Oeuvres complètes: [юбилейн. изд. (1828–1928)] / под общ. ред. В.Г. Черткова; при участии ред. ком. в составе: А.Е. Грузинского, [и др.]; изд. осуществляется под наблюдением Гос. ред. комис. в составе: В.Д. Бонч-Бруевича, И.К. Луппола и М.А. Савельева [Доп. и испр. изд.]. М.: Худож. лит., 1928–1958. (Сер. 1. Произведения). Т. 34: Произведения 1900–1903. Т. 34 / подгот. текста и коммент. С.Д. Балухатого и др.; предисл. К. Ломунова. М.: Худож. лит., 1952. С. 270–277.
9. Толстой Л.Н. Письмо к Фофанову от 11 сентября 1902. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 73: Письма: 1901–1902. М.: Худож. лит., 1954. С. 290.
10. Соловьев В.С. Против исполнительного листа // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 288–293.
11. Соловьев В.С. Пасхальные письма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 34–80.
12. Соловьев В.С. Воскресные письма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 3–33.
13. Соловьев В.С. Русские символисты // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 159–170.
14. Радлов Э.Л. В.С. Соловьев: Биографический очерк // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. VII–LI.
15. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый. 1883–1888 // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: 1883–1892. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 3–153.
16. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891 // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 157–401.

⁷⁹ См.: Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. С. 200 [28].

17. Соловьёв В.С. О духовной власти в России // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3: 1877–1884 / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1912. С. 227–242.
18. Соловьёв В.С. Византизм и Россия // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 285–325.
19. Соловьёв В.С. Что значит слово «живописность»? // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 73–76.
20. Соловьёв В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 69–77.
21. Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. Т. 2 / сост. и коммент. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; вступ. ст. Е.А. Тахо-Годи. М.: Время, 2002. 685 с.
22. Волконский С.М. Искусство и нравственность // Вестник Европы. 1893. № 4. С. 620–651.
23. Юрина Н.Г. Тематический диапазон философской лирики В.С. Соловьёва // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 11(188). С. 170–178. N.G. Yurina The Thematic Range Of Philosophical Lyrics By V.S. Solovyov.
24. Юрина Н.Г. Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьёва // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А.С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 1. Филология. С. 30–39.
25. Майков А.Н. У гроба Грозного // Русский Вестник. 1888. № 5. С. 116–119.
26. Соловьёв В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 203–281.
27. Соловьёв В.С. Майков // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 510–515.
28. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. 281 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The general meaning of art], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 75–90.
2. Solov'ev, V.S. O liricheskoy poezii. Po povodu poslednikh stikhotvoreniy Feta i Polonskogo [About lyrical poetry. Concerning the last poems of Fet and Polonsky], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 234–260.
3. Solov'ev, V.S. Po povodu sochineniya H.M. Minskogo «Pri svete sovesti» [Concerning N.M. Minsky's work «In the light of conscience »], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 263–268.
4. Solov'ev, V.S. Illyuziya poeticheskogo tvorchestva [The illusion of poetic creativity], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 276–284.
5. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The meaning of love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 3–60.

6. Solov'ev, V.S. Buddiyskoe nastroyenie v poezii [Buddhist mood in poetry], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 81–99.

7. Solov'ev, V.S. Poeziya gr. A.K. Tolstogo [Count A.K. Tolstoy's poetry], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 135–158.

8. Solov'ev, V.S. Kogda zhili evreyskie proroki? [When did the Jewish prophets live?], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 180–200.

9. Solov'ev, V.S. Magomet, ego zhizn' i religioznoe uchenie [Muhammad, his life and religious teaching], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol. t. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 203–281.

10. Solov'ev, V.S. Vizantizm i Rossiya [Byzantium and Russia], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 285–325.

11. Solov'ev, V.S. Poeziya Ya.P. Polonskogo. Kriticheskiy ocherk [Ya.P. Polonsky's poetry. Critical essay], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 329–353.

12. Solov'ev, V.S. Osoboe chestvovanie Pushkina [A special celebration of Pushkin], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected works in 10 vol., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 277–287.

Individual Works

13. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya* [From the world of writers: characters and judgments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 864 p.

14. Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya. Ch. 3. Snegurka* [Poems. Part 3. Snow Maiden]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1896. 96 p.

15. Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Lyrics and poems]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2010. 592 p.

16. *Pis'ma V.S. Solov'eva. T. 1* [V.S. Solovyov's letters. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908. 283 p.

17. Sapozhkov, S.V. Tvorcheskiy put' Konstantina Fofanova: mezhdru klassikoy i modernizmom [Konstantin Fofanov's creative path: between classics and modernism], in Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Lyrics and poems]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2010, pp. 5–64.

(Articles from Scientific Journals)

18. Konkina, L.S., Kapralova, E.G. Tvorchestvo K.M. Fofanova v otsenkakh sovremennikov [K.M. Fofanov's creativity in the assessments of contemporaries], in *Vestnik Mordovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2007, no. 2, pp. 254–255.

19. Solov'ev, V.S. Buddiyskoe nastroyenie v poezii [Buddhist mood in poetry], in *Vestnik Evropy*, 1894, no. 6, pp. 687–708.

20. Strakhov, N.N. Sochineniya grafa A. Golenishcheva-Kutuzova. T. I–II. SPb., 1894 [The works of Count A. Golenishchev-Kutuzov. Vol. I–II. St. Petersburg, 1894], in *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. T. 63, № 1–3* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 63, No. 1–3]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1897, pp. 1–19 [otdel'naya paginatsiya].

21. Tarlanov, E.Z. Khristianskie motivy v poezii K. Fofanova [Christian motives in K. Fofanov's poetry], in *Problemy istoricheskoy poetiki*, 1994, pp. 285–293.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Aleksandrov, S.M. Sokolov N.M. [Sokolov N.M.], in *Russkie pisateli: 1800–1917. T. 6* [Russian writers: 1800–1917. Vol. 6]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019, pp. 709–711.

(Monographs)

23. Sokolov, N.M. *Illyuzii poeticheskogo tvorchestva: Epos i lirika grafa A.K. Tolstogo* [Illusions of poetic creativity: The epic and lyrics of Count A.K. Tolstoy]. Saint-Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1890. 299 p.

24. Shchennikova, L. *Russkiy poeticheskiy neoromantizm 1880–1890-kh godov* [Russian poetical neo-Romanticism of the 1880s–1890s]. Saint-Petersburg: Serebryanny vek, 2010. 478 p.

25. Tarlanov, E.Z. *Konstantin Fofanov: Legenda i deystvitel'nost'* [Konstantin Fofanov: Legend and reality]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1993. 177 p.

26. Yurina, N.G. *Literaturno-kriticheskaya kontsepsiya V.S. Solov'eva: istoki, stanovlenie, razvitie* [V.S. Solovyov's literary-critical concept: origins, formation, evolution]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2013. 278 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

27. Shmonina, M. *Printsipy retseptsii poezii Tyutcheva v lirike 1880–1890-kh godov (K.M. Fofanov, K.N. L'dov, Vl. Solov'ev): diss. ... magister artium po russkoy literature* [Principles of reception of Tyutchev's poetry in the lyrics of the 1880s–1890s (K.M. Fofanov, K.N. L'dov, V. Solovyov)]. Tartu, 2004. 115 p.